

—

Чэнь Чуян проснулся, но всё ещё был в полусне. Несмотря на сонливость, он быстро протёр глаза и сел. Он думал, что вздремнул всего на мгновение, но на самом деле прошло уже около получаса.

Глядя на еще сонного Чэнь Чуяна, Лю Цюньфэн хотел дать ему поспать еще, но им нужно было продолжать путь.

Хотя короткий сон не сильно задерживал, он не хотел, чтобы его мул сильно устал. Ноша, которую нес мул, весила более ста цзиней с каждой стороны. Его маленький фулан никак не мог помочь ему погрузить или разгрузить груз, так что мулу было бы слишком тяжело нести его всё время.

«Скоро придем. Тогда ты хорошенько поспишь и отдохнешь». В горах было холодно. Пока Чэнь Чуян спал, Лю Цюньфэн накрыл его одеждой. Сняв одежду с Чэнь Чуяна и бросив ее на спину мула, Лю Цюньфэн уговаривающим тоном сказал: «Мы действительно скоро придем. Как только перевалим через эту гору, там будет много зеленых лугов, и мы быстро доберемся».

«Угу», — Чэнь Чуян ответил инстинктивно, на самом деле не веря Лю Цюньфэну.

Он потянулся и зевнул, затем снова отправился в путь. Он почувствовал, что его ноги стали немного легче. Кажется, небольшой отдых все же пошел на пользу.

Всю дорогу, за исключением первой деревни, они шли по диким горам. Лес был тих, а травы и деревья вдоль дороги были очень густыми, иногда даже выше человеческого роста. К счастью, дождей стало меньше. Летом они бы промокли насквозь, а холодный ветер пробрал бы до дрожи.

Когда они наконец поднялись на гору, о которой говорил Лю Цюньфэн, Чэнь Чуян сразу заметил, что обзор стал шире, и даже дорога сильно изменилась! Дикий лес сменился низкотравным лугом. Глядя вдаль, казалось, что они попали в другой мир!

Хотя перед глазами все еще тянулись бесконечные горы, вид зеленых лугов значительно улучшал настроение.

«Муж, мы скоро придем?» Стоило только назвать его так в первый раз, дальше это стало даваться легко. Теперь Чэнь Чуяну больше не нужно было мучиться с обращением; он знал, как называть Лю Цюньфэна.

«Скоро. Немного позже мы увидим дома. Когда доберемся до населенного места, до дома дяди

будет рукой подать».

«Угу!» Где есть цель, там есть и надежда. Они действительно скоро придут. Силы в ногах Чэнь Чуяна прибавилось.

На этот раз Лю Цюньфэн не солгал. Скоро они действительно увидели дома.

«Мы действительно видим дома!» Глядя на несколько домов, расположенных на лугу, Чэнь Чуян не знал, почему люди построили их так глубоко в горах. Но увидев пасущихся неподалеку коров, овец и даже целое стадо черных свиней, он замолчал.

У каждого человека есть корни. Их предки обосновались здесь, а их потомки процветали, поэтому, естественно, они не хотят легко уезжать. К тому же, жизнь в горах тоже неплоха. Многие семьи внизу не могут позволить себе столько скота.

Пока мысли Чэнь Чуяна блуждали, они уже отошли далеко от этих домов. Но после появления жилья на этих просторных, то поднимающихся, то ровных лугах время от времени стали появляться новые дома.

Хотя это были в основном маленькие соломенные хижины и войлочные палатки, сам факт наличия людей успокаивал. Иначе долгий путь по безлюдным горам не только утомил бы, но и напугал до смерти.

«Чуян, видишь то место? Где скопились дома? Там и есть дома дядей. Мы почти пришли», — Лю Цюньфэн указал на место, где дома казались крошечными, как песчинки. Наконец-то он сказал то, что Чэнь Чуян больше всего хотел услышать: их цель была видна.

Где есть цель, там есть и надежда. Тело все еще было уставшим, но душевная тяжесть ушла. Полное усталости лицо сменилось надеждой, и Чэнь Чуян наконец улыбнулся.

Место, которое казалось близким, на самом деле находилось в двух часах пути. Когда же дома наконец показались вблизи, Чэнь Чуян не успел обрадоваться, как услышал крик издали, и к ним на всех парах помчался человек.

«Брат! Брат, ты приехал!» Источником голоса был мальчик, выглядевший на двенадцать-тринадцать лет. У него была темная кожа, он был босой и летел к Лю Цюньфэну, как угольный шарик.

Лю Цюньфэн поспешно протянул руку, не дав ему запрыгнуть на себя. Когда мальчик остановился, он не церемонясь потер ему лицо несколько раз и осторожно спросил: «Хэйва?»

Этот мальчик был младшим сыном третьего дяди, ему было двенадцать лет. Это был единственный неженатый двоюродный брат Лю Цюньфэна.

«Это я! Брат, я так вырос! Когда ты приезжал в прошлый раз, я был вот такой, или вот такой?» Хэйва*, названный так из-за смуглой кожи, сначала поднес руку к груди Лю Цюньфэна, потом покачал головой и опустил ее к поясу.

[*黑子, Hēi wá – чёрный ребёнок.]

Лю Цюньфэн посмотрел на подростка, который теперь доставал ему до плеча, и снова помял его лицо. «Знаешь только, как расти, а не как светлеть? Если будешь таким черным, не найдешь себе жену».

«Найду!» При упоминании о жене Хэйва стал серьезным. Лю Цюньфэн перестал дразнить его и, взяв за руку стоявшего рядом Чэнь Чуяна, подвел его к себе. «Скажи невестка».

«Ой? Невестка?» Лицо Хэйвы выражало удивление, он, казалось, не мог поверить! «Я думал, это ваш работник. Брат, когда ты женился? Почему не сказал нам? И как ты посмел приехать? Отец побьет тебя!»

Хэйва выпучил глаза и выпалил много слов, которые заставили Лю Цюньфэна почувствовать вину. Но тот сохранял спокойствие, потому что уже придумал, как отреагировать.

Встретившись с ними, мальчик вскоре убежал, громко выкрикивая имя брата. Не успели они добраться до дома дяди, как навстречу выбежала целая толпа людей.

Как и сказал Хэйва, дедушка и дяди, увидев Чэнь Чуяна, тут же погнались за Лю Цюньфэном, чтобы побить его. Лю Цюньфэн бегал по земле, и Чэнь Чуян не мог сдержать улыбки, глядя на то, как взрослые мужчины гоняются за ним, словно орлы за цыпленком.

«Дитя, ну как такое могло случиться? На вашей свадьбе никто из твоих дядей не был», — бабушка, тети и толпа детей окружили Чэнь Чуяна. Он сам не знал, почему семья Лю не уведомила семью Сюй. Он лишь сказал, что свадьба была слишком поспешной, и они не хотели, чтобы дяди тратили силы на дорогу, так как они все равно собирались приехать сами.

Чэнь Чуян не мог толком объяснить это бабушке, но Лю Цюньфэн, воспользовавшись моментом, когда рядом были только мужчины, рассказал им все о делах в его семье, включая то, почему дядей не позвали на пир, и о последующем разделе семьи.

«В то время в семье был такой беспорядок. Мама боялась, что если вы приедете, кто-нибудь начнет нести перед вами всякую чушь. А если начнется скандал, будет плохо». Лю Цюньфэн сел прямо на траву. Его только что несколько раз ударили, и он растирал голову, пока говорил.

Дяди были удивлены, что в семье сестры произошло так много событий. Старший дядя, сочувствуя, погладил своего племянника по голове, ругая: «Этот негодяй, должно быть, не мог успокоиться. Когда Линьцзы три-четыре года назад сдал экзамен на Сюяя, мы приехали

поздравить, и мне показалось, что он не очень-то нам рад. Значит, он уже тогда хотел развестись!»

Лю Цюньфэн, услышав это, рассердился еще больше! Он думал, что это произошло только в этом году!

«Знал бы я, когда пнул в ту женщину стул, прицелился бы мимо, и попал бы в этого старого хрыча!» Лю Цюньфэн становился все более злым, желая вернуться в тот день и ударить своего отца пару раз стулом. Но все уже в прошлом, семья разделена, и подходящей причины для драки не было.

После рассказа о таком большом семейном событии лица дядей помрачнели. Наконец дедушка посмотрел вниз с горы и неторопливо сказал: «Кто знает, плохо это или хорошо? Раз уж Цюньфэн женился, и она будет жить с ним, это тоже хорошо. Ей не нужно будет прислуживать всей большой семье».

Дедушка немного знал о жизни дочери в семье Лю. Разозлившись, он, однако, почувствовал, что ситуация не так уж плоха. По крайней мере, дочери больше не нужно было прислуживать ни свекрови, ни семье старшего сына. Она даже могла пользоваться благословениями свекрови, что тоже было хорошо.

Когда Лю Цюньфэн вернулся с дедушкой, вещи со спины мула уже были сняты. Дома в горах не имели высоких стен, а были окружены только низкими плетеными заборами.

Они еще не вошли во двор, но могли видеть все, что происходило внутри.

Дедушка, увидев большой тюк с одеждой Лю Цюньфэна и Чэнь Чуяна, понял, что они останутся на несколько дней, и засмеялся: «Хорошо, хорошо, оставайтесь подольше, оставайтесь подольше».

«Дедушка, я завтра поеду с тобой кататься на лошади. Ты видел моего мула? Он не хуже лошади, а его ноги... наверное, только белая лошадь, которую держал второй дядя в молодости, могла бы с ним сравниться». Говоря о своем муле, Лю Цюньфэн оживился, его глаза сияли. Он был так горд, что вся усталость сошла на нет.

Бабушка поспешно остановила его, когда он снова потянулся к мулу. «Кататься? Этот старый дурак упал в этом году и должен год сидеть дома».

Дети в горах вырастают на спине лошади и любят скакать по горам. Дедушка был таким же. Даже в старости он любил кататься, и упал, когда недавно тайком пошел кататься.

Услышав, что дедушка должен восстанавливаться год, Лю Цюньфэн сразу притих. Он посмотрел на дедушку и с досадой подумал: «Он был очень подвижен, когда только что

гонялся за мной!»

«Ладно, я не собираюсь отпускать твоего дедушку, но ты можешь поехать с Хэйвой. Этот парень очень силен, он даже приручил черного коня своего отца», — бабушка засмеялась, потянув Лю Цюньфэна за руку, а затем посмотрела на Чэнь Чуяна. Лю Цюньфэн понял и поспешно представил своего фулана всем присутствующим.

Семья Сюй была большой. Родители были живы, все три сына уже имели внуков. Вся семья насчитывала несколько десятков человек.

После представления фулана пришло время делить подарки. Три дяди уже разделились и жили по отдельности, поэтому подарки нужно было разделить справедливо.

«Дедушка, бабушка, моя мама сшила вам одежду. Не волнуйтесь, она темного цвета, как вы любите. Дедушка, мама также купила тебе мундштук».

Все вещи со спины мула были сняты, но никто не трогал их, пока Лю Цюньфэн не разделил их. Исключением была только одежда Лю Цюньфэна и Чэнь Чуяна.

В горах не выращивали рис, и все семьи нуждались в нем, поэтому Лю Цюньфэн всегда привозил его.

Каждому дяде досталось по пятьдесят цзиней риса. Это было не очень много, но Лю Цюньфэн не мог позволить себе больше из-за трудной горной дороги. Вино также было сделано из зерна, поэтому его тоже не хватало и оно было очень желанным подарком.

Лю Цюньфэн привез хорошее вино, а не мутное пойло. Неискушенного человека две чашки могли свалить с ног, и даже одного цзиня хватило бы на несколько дней. А он привез тридцать цзиней, по десять для каждого дяди.

После риса и вина были ткани. Их делили в зависимости от количества людей. Семьям старшего и второго дядей, где было больше людей, досталось по три куска, а семье третьего дяди — два.

После взрослых подарков пошли детские. Все три дяди уже были дедушками, и, поскольку их дети, в основном, жили в горах, детей было очень много. В доме никогда не было тихо.

Лю Цюньфэн покупал конфеты, не по количеству семей, а по количеству детей: по два пакета на ребенка. В семье второго дяди было больше всего детей, поэтому ему досталось целых десять пакетов.

Вторая тетя заулыбалась, обнимая гору конфет. Ее дети получили не меньше, чем остальные, по два пакета на каждого.

После конфет были пирожные. Их было немного, поскольку они быстро портятся. Кроме двух пакетов для бабушки и дедушки, остальные разделили между детьми.

Получив конфеты и пирожные, дети снова разбежались, вероятно, хвастаться друзьям.

В отличие от тех немногих домов, которые они видели на лугу, это место было густонаселенным. На этом широком лугу жили несколько десятков семей, и неподалеку были еще поселения. Людей здесь было много.

Разделив подарки, остались только те, которые нужно было съесть немедленно. Старшая тетя, увидев стопку цыба и тушеное мясо, все поняла и тут же позвала остальные две семьи на ужин в ее доме.

Каждый раз, когда госпожа Лю или ее сыновья приезжали в горы, они привозили много еды, и семья всегда ужинала вместе. Второй дядя и другие не стали отказываться, это уже стало традицией.

«Бабушка, пожалуйста, найди жилье для моего фулана. Он никогда не путешествовал так далеко и очень устал. До ужина еще рано, пусть он поспит», — Лю Цюньфэн постоянно следил за Чэнь Чуяном. Видя его изможденное лицо, он понял, что тот очень устал. Нужно было немедленно отдохнуть. Сегодня было хорошо, но завтра и послезавтра ему будет еще хуже.

Кроме того, они собирались остаться здесь на несколько дней, и нужно было сначала уладить вопрос с жильем.

Чэнь Чуян не был голоден — по пути они постоянно что-то ели, но он действительно устал и очень хотел спать. Дома, когда он уставал после работы, сон всегда помогал.

Чэнь Чуян не возражал, что означало, что он хотел отдохнуть. Старшая тетя сразу же занялась этим.

Оба, и Лю Цюньфэн, и Чэнь Чуян, понимали, что их не поселят вместе. По правилам, передававшимся из поколения в поколение, парам, приезжающим в родительский дом, не разрешалось жить в одной комнате.

Раньше Лю Цюньфэн всегда спал с Хэйвой, и в этот раз должно было быть так же. Но когда старшая тетя повела Чэнь Чуяна прямо в свой дом, Лю Цюньфэн взглянул на старшего дядю, намекая, что и он будет спать в этом доме.

Если они не могли спать в одной постели, они должны были, по крайней мере, быть в одном доме. Иначе его маленькому, робкому фулану будет неудобно.

<http://bllate.org/book/14489/1282264>